

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПЕРЕХОДА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ОТ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ К ФЕОДАЛИЗМУ

И. В. Созин

Восточные славяне, подобно древним германцам, миновали в своем развитии рабовладельческую формацию, перейдя от первобытно-общинного строя к феодализму. Естественно возникает вопрос, чем же обусловлено такое своеобразие исторического развития восточных славян? В отношении древних германцев научное решение вопроса об условиях их специфического развития дано в работах Ф. Энгельса в результате изучения им истории разложения рабовладельческого способа производства и генезиса феодализма в Западной Европе¹.

Некоторые советские историки, пытаясь решить эту же проблему применительно к восточным славянам, опирались на положение Ф. Энгельса о роли древних германцев в генезисе феодализма в Западной Европе и пришли к выводу, что древние славяне сыграли такую же историческую роль в судьбах Восточной Римской империи. Но из этого правильного положения был сделан вывод, что у восточных славян не развился рабовладельческий способ производства лишь потому, что, столкнувшись с разлагавшимся рабовладельческим обществом, они пошли по пути исторического синтеза, миновали уже пройденный их соседями этап рабовладельческой формации².

Другая часть советских историков, перенося на славянскую почву вывод Энгельса о германской общине-марке, нашла как будто вполне приемлемое решение проблемы, поскольку она считалась в своих построениях с внутренним развитием восточных славян. Наиболее последовательно эта концепция изложена в работах акад. Б. Д. Грекова. Признавая историческую роль славян в феодализации Византии, Б. Д. Греков обосновывал тезис о том, что русская община была определяющим моментом, обеспечившим восточным славянам переход от первобытно-общинного строя непосредственно к феодализму³. Если сторонники идеи «исторического синтеза» (другими словами, внешнего фактора) игнорировали внутреннее развитие восточнославянского общества, то Б. Д. Греков и все историки, признававшие решающую роль общины, не связывали еще вопрос об эволюции этой общины с развитием производительных сил восточных славян.

Следовательно, оба выявившихся мнения не учитывали в полной мере законов общественного развития, указывающих на производительные силы как на основу развития общественных отношений. Попытку совместить эти точки зрения по данному вопросу сделал проф. В. В. Мавродин, указавший, что Киевская Русь, находясь в окружении феодальных стран, не могла начинать с пройденного ими этапа рабовладения. Однако

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1); его же. Марка (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV).

² А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. «Вестник древней истории», 1939, № 1, стр. 306.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. 1953, стр. 27, 113, 180, 320.

переход к феодализму был, по его мнению, обусловлен прежде всего существованием сельской общины⁴. Такое решение вопроса, хотя оно и менее односторонне, также упускало из виду значение производительных сил и поэтому не было шагом вперед в объяснении проблемы генезиса феодализма в России.

Новое было сказано в этом отношении Б. Д. Грековым в статье «Генезис феодализма в России» (1952). Признавая решающую роль сельской общины, он обратил внимание на то обстоятельство, что уровень развития производительных сил у восточных славян в период их перехода к классовому обществу и государственности был выше, чем уровень развития производительных сил, достигнутый рабовладельческими странами, что делало труд раба маловыгодным и нерентабельным⁵. Многолетнее изучение истории русского земледелия не могло не привести к такому выводу. Но Б. Д. Греков не успел детально развить это важное положение, создававшее прочную основу для решения проблемы генезиса феодализма у восточных славян⁶. В «Очерках истории СССР» (ч. 1) мысли, высказанные в названной статье Б. Д. Грекова, были присоединены к его старой концепции, которая в конечном итоге была сформулирована следующим образом: русская община сыграла ту же роль, что и германская марка, — она не дала развиться рабству в формацию и в условиях более высокого, чем в рабовладельческих странах, уровня развития производительных сил способствовала победе феодализма⁷. Вместе с тем подчеркивалось значение столкновения общинного славянского мира с рабовладельческим римским для его последующего исторического развития⁸.

Это была первая попытка всестороннего объяснения причин перехода восточных славян от первобытно-общинного строя непосредственно к феодализму. Однако и такое объяснение не учитывало полностью решающую роль производительных сил в ходе общественного развития. Классики марксизма, решая эту проблему относительно древних германцев, подчеркивали, что возникновение феодализма могло произойти лишь на известном уровне развития производительных сил⁹. На эту весьма важную сторону вопроса и обратил внимание К. Н. Тарновский. Опираясь на достижения советской исторической науки, он исследовал развитие производительных сил у восточных славян и их влияние на эволюцию общественного строя и тем самым показал значение и правильное соотношение основных материальных предпосылок перехода восточных славян к феодальному строю¹⁰. Но при этом К. Н. Тарновский почти полностью отвлекся от тех исторических условий, в которых происходило зарождение феодализма у восточных славян, а также не учел в достаточной степени влияния географической среды на развитие хозяйства восточных славян.

Обсуждение в декабре 1955 г. научной общественностью проблемы перехода восточных славян от первобытно-общинного строя непосредственно к феодализму показало, что разница во взглядах при решении этого важнейшего вопроса продолжает существовать¹¹. Более того, выдвинутые некоторыми историками без достаточных

⁴ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л. 1945, стр. 60, 170—171.

⁵ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Приложения, стр. 525—526.

⁶ П. Н. Третьяков, тщательно исследовавший состояние производительных сил и социально-экономические отношения восточных славян в период разложения у них первобытно-общинного строя, также присоединился к мнению Б. Д. Грекова о решающей роли общины в процессе феодализации восточнославянского общества (П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М. 1953, стр. 292).

⁷ «Очерки истории СССР». Ч. 1. IX—XIII вв. М. 1953, стр. 55, 61.

⁸ Там же, стр. 55.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. Изд. 2-е, стр. 22, 74.

¹⁰ К. Н. Тарновский. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян. «Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 79—91.

¹¹ «Обсуждение вопроса о генезисе феодализма в России и о возникновении древнерусского государства». «Вопросы истории», 1956, № 3. стр. 202—205.

оснований и без учета уже достигнутых советской исторической наукой результатов «новые гипотезы» вводили, по существу, в сторону от наметившегося в последние годы правильного решения этой сложной теоретической и конкретно-исторической проблемы, возрождая устаревшие положения о решающей роли внешних факторов.

Данная статья является попыткой рассмотреть совокупность внутренних и внешних причин, обусловивших переход восточнославянских племен от первобытно-общинного строя непосредственно к феодализму¹².

При исследовании проблемы разложения первобытно-общинного строя у различных народов неизбежно возникает вопрос, почему в недрах распадавшегося первобытно-общинного строя у одних народов возникло рабовладельческое общество, тогда как у других (например, у восточных славян) развился феодализм. Можно ли вообще считать исторический путь, проделанный восточными славянами, каким-то отклонением от общего правила? И не заложена ли в самом первобытно-общинном строе в равной мере возможность перехода отдельных народов как к рабовладению, так и к феодализму в зависимости от конкретных исторических условий?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо установить, в чем заключается сходство этих двух общественно-экономических формаций с точки зрения основы их производственных отношений. Главное их отличие от первобытно-общинного строя состоит в том, что в условиях первобытно-общинного строя непосредственный производитель выступает по отношению к объективным условиям производства (например, к земле) как их обладатель, в то время как в условиях рабовладельческого и феодального строя он сам оказывается для господствующего класса необходимым условием производства или, как писал К. Маркс, выступает в качестве неорганического условия производства¹³. Исходным пунктом для развития того и другого способов производства служат в одинаковой степени и мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство и отделившееся от земледелия ремесленное производство¹⁴. Существенное их сходство проявляется также и в других отношениях: внеэкономическое принуждение непосредственных производителей, рутинное в своей основе состояние техники, преобладание натурального хозяйства, ограниченные возможности расширенного воспроизводства в связи с тем, что весь или почти весь прибавочный продукт непосредственно потребляется господствующими классами¹⁵.

Указанное существенное сходство при наличии исторических примеров перехода отдельных народов от первобытно-общинного строя непосредственно к феодализму свидетельствует о том, что в недрах первобытно-общинного строя имела потенциальная возможность развития как отношений рабства, так и отношений феодальной зависимости. «Рабство, крепостная зависимость и т. д... это необходимый и последовательный результат собственности, основанной на общинном строе и на труде в условиях этого строя»¹⁶.

¹² Во избежание ненужных повторений в статье вопросы, детально исследованные в работах советских историков и не требующие пересмотра в настоящее время, изложены в самом общем виде.

¹³ См. К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. Госполитиздат. 1940, стр. 22.

¹⁴ См. К. Маркс. *Капитал*. Т. 1. Госполитиздат. 1955, стр. 341. Примечание.

¹⁵ См. М. Н. Мейман, С. Д. Сказкин. Об основном экономическом законе феодальной формации. «Вопросы истории», 1954, № 2, стр. 76. Эти общие черты наиболее ясно выступают на начальных этапах развития обеих формаций, и суть их затемняется все более на поздних стадиях формаций под воздействием развивающегося товарного производства. Надо сказать, что советская историография до сих пор мало обращала внимания не только на сходство, но и на глубокое различие упомянутых формаций.

¹⁶ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 30. Ф. Энгельс указывал на то, что у древних германцев из первобытно-общинного строя возникла форма зависимости более мягкая, чем рабство Римской империи

Неравномерность исторического развития отдельных народов в период возникновения у них классов и государства связана, следовательно, с тем, какая из возможных тенденций, вытекающих с экономической необходимостью из разложения первобытно-общинного строя, в данных конкретных исторических условиях победит и разовьется в дальнейшем в формацию. Среди этих необходимых исторических условий основным, определяющим является уровень развития производительных сил. Первобытно-общинный строй соответствовал крайне низкому уровню производительных сил. Дальнейшее их развитие приводит к возникновению более высоких и сложных форм производственных отношений, в основе которых лежит разделение общества на антагонистические классы (рабы и рабовладельцы, зависимые крестьяне и феодалы).

В условиях ограниченного по своему характеру развития технической базы общественного производства и низкой производительности труда дальнейший прогресс мог быть достигнут только путем подчинения большинства (непосредственных производителей) меньшинству, в руках которого находятся средства производства. В этом состоит экономическая необходимость происходящего переворота в производственных отношениях. В результате этого переворота происходит переход от отношений сотрудничества и взаимопомощи, связанных в ту пору с неразвитостью производительных сил общества, к отношениям господства и подчинения как необходимой форме для дальнейшего развития общественного производства. Если характер производственных отношений при этом коренным образом изменяется, то нельзя это же сказать о характере производительных сил, поскольку общественное производство даже при наличии крупных рабовладельческих и феодальных владений продолжает в основном развиваться в рамках мелкого, индивидуального хозяйства. Переворот в области производственных отношений происходит как конечный результат усовершенствования орудий труда (особенно в связи со все более широким применением железа в качестве материала для этих орудий), то есть как следствие серьезного подъема уровня производительных сил¹⁷.

Вопрос о достигнутом восточными славянами к IX в. уровне развития производительных сил (в первую очередь имеется в виду эволюция земледельческой техники и успехи черной металлургии и металлообработки) с достаточной полнотой исследован в ряде работ советских историков¹⁸. Их основные выводы находят подтверждение в результатах последних археологических раскопок¹⁹.

Широкое распространение у восточных славян железных орудий труда свидетельствовало о серьезном повышении уровня развития производительных сил. Сейчас уже не вызывает споров факт, что в период разло-

(см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. Госполитиздат. 1952, стр. 290).

¹⁷ Усовершенствование орудий труда еще не ведет здесь к изменению характера индивидуального их использования в рамках мелкого хозяйства. Орудия труда только с переходом к машинной индустрии теряют свой частный характер.

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М. 1948, стр. 38—129; Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 33—69; В. И. Довженок. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. Сборник «Материалы по истории земледелия СССР». Ч. 1. М. 1952, стр. 115—146; П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 266—280; К. Н. Тарновский. Указ соч., стр. 79—84.

¹⁹ А. Ф. Медведев. К истории кольчуги Древней Руси. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры». № XLIX. 1953; С. А. Изюмова. Археологическая разведка в 1951 г. в Тульской области. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры». № 52. 1953; М. М. Якубинер. О составе зерновых культур из старой Ладоги. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры». № 57. 1955; М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолнии в 1952—1953 годах. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры». № 59. 1955; С. А. Тараканова. Псковские городища и Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолукской области. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры». № 62. 1956.

жения первобытно-общинного строя восточные славяне были земледельческим народом. Обработка железа была тесно связана с развитием земледелия. Именно потребности земледелия в условиях тяжелых почв юга и лесных районов севера вызвали настоятельную необходимость перехода от каменных и деревянных орудий производства к более совершенным орудиям из железа. В результате в VIII—IX вв. пашенное земледелие становится у восточных славян ведущей системой обработки земли. Это обстоятельство имело большое значение для их дальнейшего социально-экономического развития.

Земледельческая техника восточных славян имела очень мало общего с теми орудиями земледелия, которыми пользовались в сельском хозяйстве Римской империи в I—IV вв. н. э., хотя в этот период предки восточных славян и вели оживленную торговлю, а иногда и войны с восточной частью Римской империи²⁰. Позднее, вплоть до IX в., они очень мало соприкасались с Византией. Следовательно, обмен между римскими провинциями и восточными славянами не мог быть источником для широкого распространения у восточных славян железных орудий производства. Его могло обеспечить только местное их производство.

Советские историки, исследовавшие историю хозяйства восточных славян, отмечали зависимость эволюции земледельческого производства от природных условий. Однако они не показали, какую роль сыграла географическая среда не только как условие развития производительных сил, но и как фактор, который посредством производительных сил ограничил возможности перехода патриархального рабства у восточных славян в трудовое рабство античного типа. Такая постановка вопроса отнюдь не означает преувеличения роли географической среды в истории общества. Основоположники марксизма, выдвигая экономические отношения в качестве определяющей основы истории общества, указывали одновременно на значение для хода общественного развития и других условий, в том числе географической среды. Ф. Энгельс в 1894 г. писал: «В понятие экономических отношений включается... и географическая основа, на которой эти отношения развиваются...»²¹.

Способ, каким люди производят необходимые им средства существования, не может не зависеть в известной степени от тех возможностей, которые дает окружающая природа. Возникновению и развитию обработки железа, положившей начало более широкому переходу восточных славян к железным орудиям производства, способствовали географические условия Восточной Европы, в частности наличие на ее равнинах многочисленных месторождений железной руды, доступных даже при самых примитивных способах ее добычи²².

Использование земли зависит, в свою очередь, от наличия свободных территорий, климата, состава почв, от методов ее возделывания и других условий. В южных степных районах Восточной Европы уже в I тысячелетии до н. э. были известны скотоводство и примитивное земледелие²³.

²⁰ Б. А. Рыбаков. Указ соч., стр. 42—43; М. В. Браичевский. О распространении римских монет у древних восточных славян. «Вестник древней истории», 1954, № 1, стр. 120—121.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 483—484. Глубоко научная постановка вопроса о роли географической среды имеется в работе Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»: «Развитие производительных сил само определяется свойствами окружающей людей географической среды... Но человек не в одиночку ведет борьбу с природой... раз возникли известные общественные отношения, дальнейшее их развитие совершается по своим собственным внутренним законам... Зависимость человека от географической среды из непосредственной превращается в посредственную». (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. Т. I. М. 1956, стр. 689).

²² Этот факт отмечался Б. А. Рыбаковым (указ соч., стр. 38—39, 85—88, 118, 122—129, 206) и К. Н. Тарновским (указ соч., стр. 79—80).

²³ «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР». М. 1956, стр. 363 и сл.

Однако жизнь пастушеских племен крайне затруднялась здесь недостатком кормов для скота и продуктов питания для людей в зимние периоды. В северных лесных районах страны, в условиях, еще менее благоприятных для жизни людей, население также должно было прибегнуть к обработке земли, тогда как лесные промыслы отошли постепенно на второе место. Правда, условия лесного севера задерживали переход от подсечного земледелия к пашенному.

Подсечная система земледелия была связана с первобытно-общинными отношениями в производстве, тормозила их разложение. Характер поселений, раскапываемых в районах подсечного земледелия, показывает, что в них жили большие патриархальные семьи, совместному труду которых была под силу такая система земледелия²⁴. Изменение в процессе развития земледельческого производства некоторых его условий (вырубка леса произошла уже на достаточном больших пространствах) вместе с применением сохи с железным сошником привело к распространению и на севере пашенного земледелия.

Почему же восточные славяне, по-видимому, хорошо знакомые с патриархальным рабством, не пошли на основе утверждения у них пашенного земледелия (более производительного, чем предыдущие системы земледелия) по пути широкого применения рабского труда в производстве? Ведь в странах древнего Востока переход к орошаемому плужному земледелию вызвал необходимость широкого использования рабского труда²⁵. Сравнение условий развития общества у восточных славян и у народов древнего Востока показывает, какое влияние оказали природные условия на характер хозяйственной деятельности и связанные с нею общественные отношения этих народов.

Необычайное плодородие почвы в странах древнего Востока не требовало от человека особых усилий для непосредственной ее обработки. Поэтому земледелие могло в этих местах развиваться и без внедрения более совершенных железных орудий труда. Ключевой здесь была проблема усовершенствования ирригационной системы. «Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость использовать её или подчинить её при помощи сооружений крупного масштаба, возведённых рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности,— писал К. Маркс. — Примером может послужить регулирование воды в Египте... или в Индии, Персии и т. д...»²⁶. Толчок развитию производительных сил в странах древнего Востока был дан переходом от первобытных форм земледелия к орошаемому земледелию, что резко увеличило урожайность и производительность труда. Средний урожай ячменя, например, в Месопотамии составлял сам-36²⁷. Орошаемое земледелие по мере своего развития требовало производства все более сложных ирригационных работ, которые были не под силу отдельным общинам, так как для их выполнения требовалась довольно большая концентрация рабочей силы. На этой базе стало развиваться массовое применение рабского труда. В рабов обращали военнопленных, развивалось долговое и кабальное рабство²⁸.

В условиях высокой производительности труда в земледелии и благоприятных для жизни условий юга затраты на содержание рабов были незначительны. Дешевый рабский труд давал достаточный прибавочный продукт, он был экономически выгоден и получал поэтому все более ши-

²⁴ П. Н. Третьяков. Указ соч., стр. 266—268.

²⁵ На примере Средней Азии вопрос этот рассмотрен в статье Б. А. Латынина «Вопросы ирригации древней Ферганы». «Краткие сообщения Института истории материальной культуры». № 64. 1956.

²⁶ К. Маркс. Капитал. Т. 1, стр. 517.

²⁷ В. И. Авдиев. История древнего Востока. М. 1953, стр. 46. Такие же высокие урожаи были, очевидно, характерны и для Египта (см. там же, стр. 162).

²⁸ В. И. Авдиев пишет, что, например, в Ассирии развитие получило именно кабальное и долговое рабство (там же, стр. 421).

рокое распространение (хотя в древневосточных государствах рабство и не достигло такого развития, как в античную эпоху). Таким образом, орошаемое земледелие создало достаточно устойчивую экономическую базу для развития общества, что привело уже в IV тысячелетии до н. э. к образованию первых рабовладельческих государств древнего Востока. По этому поводу К. Маркс писал: «Одною из материальных основ государственной власти над не связанными между собою мелкими производственными организмами Индии было регулирование водоснабжения»²⁹. То же самое можно сказать и о других странах древнего Востока.

На просторах Восточно-Европейской равнины с ее суровыми зимами и менее плодородными почвами условия для развития земледелия были совершенно другими. Здесь сельское хозяйство являлось крайне трудоемким процессом и требовало для своего развития, особенно в пашенной форме, усовершенствованных орудий труда. Пашенное земледелие на юге, а с VII в. и на севере Восточной Европы велось преимущественно в рамках переложной системы, при которой определенный участок земли засеивался в течение ряда лет одной культурой. Когда почва истощалась, участок покидали, и земледелец поднимал новый участок. Постоянная необходимость освоения целины или подъема залежных земель, расчистки лесных участков и осушения болот создавала для населения огромные трудности, требуя значительных затрат труда, не сразу дававших нужный эффект. О получении урожаев, подобных приведенному выше, не могло быть и речи в условиях Восточной Европы. Возможность получения скольконибудь значительной доли прибавочного продукта здесь была предельно ограничена. В этих условиях существующее патриархальное рабство не могло иметь экономической основы для развития. Так как условия производства сводили почти полностью продукт, получаемый в результате применения труда рабов, к затратам на их содержание, применение рабского труда экономически себя не оправдывало.

Следовательно, развитие пашенного земледелия в условиях Восточной Европы не создавало экономических предпосылок для появления дешевой рабского труда и применения его в массовом масштабе. Именно поэтому восточные славяне продавали своих военнопленных, или разрешали им выкупиться из плена, или же, наконец, принимали их в свою среду в качестве членов своих земледельческих общин³⁰. Что касается долгового и кабального холопства (близкого по своей природе к рабству), то, как известно, «Русская правда» ограничила источники его развития (ст. ст. 110, 111 «Пространной правды»).

Сравнение К. Н. Тарновским уровня развития производительных сил, достигнутого восточными славянами в период разложения первобытно-общинного строя, с уровнем развития производительных сил у народов, перешедших к рабовладельческому способу производства, показывает, что восточные славяне сделали громадный шаг вперед в связи с применением в общественном производстве железных орудий³¹. Народы древнего Востока, переходившие в IV—III тысячелетии до н. э. к рабовладельческому способу производства, не были знакомы с железными орудиями труда. Применение железных орудий труда не являлось необходимым условием перехода к полевому земледелию в районах орошения. Поэтому железные орудия появились здесь в эпоху расцвета классового общества во II тысячелетии до н. э. Развитие же земледелия в Восточной Европе вызвало применение железных орудий уже в рамках первобытно-общинного строя³². Существо дела, следовательно, состоит в том, в каких усло-

²⁹ К. Маркс. Капитал. Т. 1, стр. 517. Примечание.

³⁰ См., например, Маврикий. Стратегикон, XI, 5, отрывок 45. «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 253.

³¹ К. Н. Тарновский. Указ. соч., стр. 84—85.

³² «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР», стр. 179, 519.

виях развиваются производительные силы, каковы природные условия, в которых людям приходится вести свое хозяйство. Окружающая общество природа в период крайне низкого, ограниченного развития производительных сил, несомненно, в одном случае ускоряюще, а в другом замедляюще действовала на ход общественного развития. Это обстоятельство следует иметь в виду при объяснении причин неравномерности исторического развития отдельных народов во время перехода их от первобытно-общинного строя к классовому обществу³³.

В период разложения первобытно-общинного строя восточные славяне достигли такого уровня развития производительных сил, при котором в условиях Восточной Европы массовое применение труда рабов было невыгодным и патриархальное рабство не имело поэтому возможности развиться в рабовладельческую формацию. Широкое внедрение в производство железных орудий труда подняло развитие производительных сил у восточных славян в VIII—IX вв. на уровень, который выходил уже за рамки рабовладельческого строя. Примерно на таком же уровне были производительные силы у германцев на завоеванной ими в III—V вв. территории Римской империи, ставшие основой для развития западноевропейского феодализма. У восточных славян в отличие от германцев к VIII—IX вв. развились производительные силы, которым соответствовали более прогрессивные, чем рабовладельческие, — феодальные производственные отношения.

Следует рассмотреть также значение развития производительных сил восточных славян для их перехода к феодализму с точки зрения разделения труда.

Распространение пашенного земледелия и применение железных орудий производства позволили настолько повысить производительность труда, что отдельная семья самостоятельно могла вести сельскохозяйское хозяйство, обеспечивая себя необходимыми средствами существования. Достигнутый уровень развития производительных сил уже не являлся помехой для установления частного владения орудиями производства. Экономически стало возможно индивидуальное ведение хозяйства. Это, несомненно, являлось шагом вперед в процессе разделения труда и неизбежно приводило вместе с тем к подрыву общности производства и присвоения, то есть к подрыву основ первобытно-общинного строя. Появилось частное владение пахотной землей, предполагавшее сначала периодические переделы общинных пахотных земель. Эти переделы на первых порах как бы уравнивали значение двух противоположных факторов, то есть, с одной стороны, наличие общинной собственности на землю, а с другой — индивидуальное пользование ею в процессе производства. Поэтому решение вопроса о времени исчезновения периодических переделов пахотных земель и лугов внутри общины играет важную роль в понимании процесса развития собственности на землю. Когда переделы исчезли, общинная собственность на землю отступила перед индивидуальным владением землей, которое могло теперь превратиться в частную собственность на землю. Поскольку ни «Русская правда», ни другие источники ничего не говорят о переделах, можно полагать, что последние были к этому времени полностью изжиты и внутри общины победило индивидуальное (частное) владение землей. «Русская правда» знает, по-видимому, и передачу земли по наследству. Так можно понимать статью 90 «Пространной правды». Если признать, что переделов внутри общины уже не было, то под действие статьи 90 может быть подведен и земельный надел смерда. Правда, в данном случае это — косвенное указание, к тому же относящееся ко времени, когда феодализация зашла далеко.

³³ Автор далек от мысли, что ему удалось здесь в полном объеме показать развитие производительных сил восточных славян в связи с природными условиями Восточной Европы и влияние этой связи на процесс разложения первобытно-общинного строя и генезиса феодализма у восточных славян. Его цель — поставить проблему, которая должна быть научно разработана на конкретном материале.

Индивидуальное ведение хозяйства, как известно, с необходимостью ведет к возникновению частной собственности. Именно такая картина развития наблюдалась у восточных славян в земледелии и в отделившемся от него ремесле³⁴. «В мелкой промышленности и... в земледелии собственность есть необходимое следствие существующих орудий производства»³⁵, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс. В земледелии частная собственность развивалась из обработки земли отдельными лицами — собственниками орудий производства. Мелкое производство, основанное на индивидуальном наследственном владении землей и на частной собственности на орудия труда и продукты производства, в условиях ограниченного развития производительных сил было необходимым шагом вперед. В его рамках мог происходить дальнейший рост общественного производства (по сравнению с первобытным общественным производством) и более полное развитие личности самого непосредственного производителя³⁶. Частное хозяйство, основанное на личном труде, открывало новые возможности для развития производительных сил³⁷.

Наличие значительного количества неосвоенных земель способствовало развитию именно тенденций частного хозяйства в противоположность общинному. Исчезновению переделов способствовали, по-видимому, такие условия хозяйственной деятельности, как освоение целины или залежи, расчистка под пашню и луг лесных занюков силами отдельных семей. Появление частного присвоения продуктов производства, возможность расширения частного хозяйства при наличии неосвоенных земель и связанное с этим дальнейшее разделение труда создавали почву для стихийного возникновения у восточных славян патриархального домашнего рабства. О том, что восточным славянам последнее было известно, свидетельствуют не только данные археологии (трупосожжение рабов, встречающееся в дружинных курганах), но и письменные источники. Так, «Русская правда» хорошо знает пережитки этого института в виде холопства (особенно обельного).

Но патриархальное рабство, хорошо известное восточным славянам, никогда не составляло основу производства. Труд домашнего раба был лишь дополнением к труду патриархальной семьи. Так как целью производства было удовлетворение потребностей этой семьи, сфера приложенного рабского труда была весьма ограниченной. Само по себе мелкое производство, как известно, не требует еще глубоких классовых различий между людьми, которые его ведут³⁸. Действительно, мог ли мелкий земледелец широко использовать труд рабов? В его руках были земля и орудия производства. Однако при существовавшем в то время уровне сельскохозяйственного производства, когда мелкое хозяйство обеспечивало только потребности земледельца и его семьи, оно не могло обеспечить содержание раба. При наличии дополнительных орудий производства раб превращался в члена семьи (хотя и неравноправного), обеспечивающего свое существование своим трудом в качестве земледельца (или ремесленника)³⁹. Присвоить сколько-нибудь значительную долю прибавочного труда такого раба мелкое хозяйство, следовательно, не могло. Чтобы выделить

³⁴ Выделение ремесленников внутри общины происходило на почве разделения хозяйственной деятельности между отдельными семьями в связи с переходом к индивидуальной обработке земли.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 66.

³⁶ Ср. К. Маркс. Капитал. Т. 1, стр. 764.

³⁷ О наличии частного хозяйства у крестьян-общинников по данным «Русской правды» см. К. Н. Тарновский. Указ. соч., стр. 89—90.

³⁸ См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат. 1950, стр. 138.

³⁹ «Сравнительно высокий уровень сельскохозяйственной техники (VI—IX века) у славян делал труд раба маловыгодным и нерентабельным», — писал Б. Д. Греков (Б. Д. Греков в. Киевская Русь. Приложения, стр. 526). Но это утверждение в такой общей форме не вскрывает сути дела, ибо не дает ответа на вопрос, почему труд раба нерентабелен в условиях, когда у восточных славян еще не существовало крупного хозяйства.

и получить эту долю, необходима была хотя бы минимальная концентрация труда рабов, которая неосуществима в рамках мелкого производства. «В мелком земледелии и мелком ремесле, к которым свелось производство..., не было места для большого числа рабов»⁴⁰. Именно поэтому восточные славяне старались продавать рабов или брать за них выкуп, нежели применять их труд в производстве⁴¹.

Углубление общественного разделения труда в форме отделения ремесла от земледелия тормозилось у восточных славян тем, что мелкое земледельческое хозяйство носило натуральный характер, оно, как правило, тесно соединялось с домашней промышленностью крестьян. В таких условиях широкое применение рабского труда в производстве не вызывалось экономической необходимостью. Рабство же, возникая в результате общественного разделения труда, развивалось в господствующий способ производства на основе более высокого развития ремесленной промышленности и торговли, как это было, например, в Римской империи⁴².

Восточные славяне высоко развили свою земледельческую культуру. В отношении же ремесленного производства и торговли в период образования у них классового общества они стояли на более низком уровне развития, чем рабовладельческое римское общество. Значительного развития ремесла и связанного с ним развития внутреннего обмена восточные славяне достигли несколько позже (примерно в VIII—IX вв.), когда процесс классового образования (на основе развития земледелия) у них уже принял совершенно определенные формы. Процесс начавшегося у восточных славян отделения ремесла от земледелия обстоятельно исследован Б. А. Рыбаковым. Появление первых городов как торгово-ремесленных поселений советские историки единодушно относят к VIII в. (или к VII—VIII векам)⁴³. В VII—IX вв. появившиеся городские поселения развивают главным образом внешнюю торговлю с Арабским Востоком, народами Прибалтики, Причерноморья. Однако эта торговля была уже делом рук феодализирующейся верхушки восточнославянского общества, использовавшей завоеванные ею экономические и политические позиции для эксплуатации крестьян-общинников путем сбора дани, продукты которой поступали на внешний рынок. Но все же в появившихся городах постепенно развивалась и внутренняя торговля продуктами сельского хозяйства и городскими ремесленными изделиями.

Детальное исследование развития производительных сил у восточных славян в период разложения первобытно-общинного строя и возникновения классового общества ясно показывает, какова основная причина того, что имевшееся у них патриархальное домашнее рабство не превратилось в господствующий способ производства; оно было вытеснено феодализмом, который больше соответствовал данным условиям развития и являлся для того времени более прогрессивным способом производства.

Многие советские историки отводили общинному строю восточных славян решающую роль в переходе древнерусского общества к феодализму⁴⁴. Эволюция, проделанная общиной в ходе разложения первобытно-

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 284.

⁴¹ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 291.

⁴² См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 150.

⁴³ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 98—99; Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 110; П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 272. М. Н. Тихомиров относит оформление первых городов как торгово-ремесленных центров к X—XII вв., указывая, что начало русских городов восходит к более отдаленным временам (М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М. 1956, стр. 435).

⁴⁴ Б. Д. Греков писал, например: «Община, служившая оплотом крестьянства, со своей стороны не позволяла рабу вытеснить крестьянина и стать основой производства на Руси» (Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 113).

общинного строя, была исследована на примере древних германцев Ф. Энгельсом⁴⁵. Изучая историю русских поземельных отношений, К. Маркс писал относительно славянской общины: «Все тут абсолютно, до малейших деталей, тождественно с первобытной германской общиной»⁴⁶. Проблема славянской общины имеет обширную историографию. Одной из последних работ, в которой хотя и в суммарном виде, но достаточно ясно показан процесс эволюции общинного строя восточных славян в тесной связи с развитием производительных сил, является уже упомянутая статья К. Н. Тарновского⁴⁷. Следует особо подчеркнуть здесь лишь одно немаловажное обстоятельство. Процесс разложения патриархальной семьи и образования сельской общины у восточных славян имел место еще в VIII—IX веках. Древнейшие части «Русской правды», относящиеся, по мнению Б. Д. Грекова, именно к этому времени⁴⁸, хорошо знают институт кровной мести. Перечисление в ст. 1 родственников, обязанных мстить за убийство (или требовать от убийцы уплаты выкупа), говорит о том, что остатки патриархальной семьи в это время еще существовали. Между тем возможность замены кровной мести выкупом показывает уже, что патриархальная семья и связанный с нею обычай кровной мести превращались все больше в пережиток прошлого. Вывод о том, что сельская община составляла основную ячейку общественного строя восточных славян в период образования у них классов и государства, в настоящее время можно считать обоснованным.

Однако историки, считавшие наличие сильной соседской общины у восточных славян основной причиной их перехода непосредственно к феодализму, не развили всесторонней научной аргументации в защиту этого положения⁴⁹. Все они как будто опирались на указание Ф. Энгельса о том, что германцы смогли развить у себя феодальные отношения только благодаря своему «варварству» (то есть, в первую очередь, своему общинному строю)⁵⁰. Но это указание Ф. Энгельса отнюдь не означает, что решение всей проблемы должно быть сведено к признанию только значения сельской общины⁵¹.

В самом деле, на что указывает Ф. Энгельс, говоря о значении «варварства» германцев? Во-первых, на то, что германцы развили «уже существовавшую у них на родине более мягкую форму зависимости» и в силу своего варварства «не довели у себя эту зависимость до вполне развитого рабства...»⁵². Этим Энгельс подчеркивает, что германцы задолго до решительного столкновения с рабовладельческим миром и независимо от его воздействия начали развивать у себя форму зависимости, высоко стоящую над рабством, другими словами, форму феодальной зависимости. Относится ли это указание Энгельса к восточным славянам? Да, относится. Оно не отрицает также значения производительных сил. У восточных славян действительно развились не рабовладельческие, а феодальные отно-

⁴⁵ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1); его же. Марка (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV).

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 126—127.

⁴⁷ К. Н. Тарновский. Указ. соч., стр. 85—91. При этом следует сделать оговорку относительно возможности использования данных Земледельческого закона VIII в. для реконструкции истории общественных отношений у восточных славян и появления у них частной собственности на землю.

⁴⁸ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 82.

⁴⁹ Б. Д. Греков подменяет исследование значения общинного строя восточных славян для их перехода к феодализму анализом значения общины германцев и южных славян для судеб различных частей рабовладельческой Римской империи (См. Б. Д. Греков. Киевская Русь. Приложения, стр. 526—527).

⁵⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 290—291.

⁵¹ Следует помнить, что в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» рассматривается лишь одна сторона вопроса, а именно — развитие общественных отношений. Он почти не касается другой стороны вопроса — развития производительных сил.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 290—291.

шения. Причем германцы развили феодальную зависимость до положения всеобщей раньше восточных славян только потому, что они опирались на производительные силы, развитые в недрах разбитого ими рабовладельческого мира.

Во-вторых, Энгельс подчеркивает здесь значение германского общественного строя для преобразования умиравшего рабовладельческого способа производства. Говоря, что рабство в этих условиях и в Римской империи приобретало постепенно сравнительно мягкую форму зависимости, он указывает тем самым, что германцы, имевшие свой общественный строй, более соответствующий производительным силам, развившимся внутри рабовладельческого способа производства, ускорили феодализацию западноевропейского общества. Относится ли это к восточным славянам? Нет, не относится. Германцы образовали свои государства на территории Римской империи, и взаимодействие их общественного строя с разлагавшимся общественным строем рабовладельческой империи сыграло весьма существенную роль в феодализации Западной Европы. Восточные славяне создали свое государство далеко за пределами империи, и ни о каком взаимодействии при этом с ее общественным строем не может быть речи. В то же время это указание Ф. Энгельса целиком относится к славянской колонизации Балканского полуострова и ее роли в феодализации Византии.

И, наконец, в-третьих, Ф. Энгельс противопоставляет «дряхлому миру гнущейся цивилизации» эпохи рабовладения «жизненно-сильное» «варварство» столкнувшихся с этим миром германцев. Какому дряхлому миру гнущейся цивилизации могло быть противопоставлено «варварство» восточных славян, если их государственность сложилась тогда, когда рабовладельческий мир уже ушел в прошлое? Следовательно, нельзя сводить решение проблемы только к роли общинного строя, нельзя догматически переносить выводы Ф. Энгельса относительно истории германцев на историю восточных славян.

Только всестороннее исследование может дать более правильный ответ на вопрос, что сыграло основную роль в процессе перехода отдельных народов к классовому обществу. Отрицание за общинным строем восточных славян решающей роли в этом процессе не означает, однако, что общинный строй не играл вообще никакой роли в этом процессе. Как было показано выше, первобытно-общинный строй в ходе своего разложения в равной степени открывает возможности для развития рабовладельческого и феодального способов производства. Именно в этом состоит значение общинного строя. Превращение же той или другой возможности, предоставляемой общинным строем, в действительность всецело зависит от того, какие производительные силы имел данный народ в период разложения первобытно-общинного строя и в каких естественно-исторических условиях происходило развитие этого народа.

В древневосточных государствах основу общества тоже составляла сельская община⁵³. Однако это не привело к развитию там феодального способа производства, так как производительные силы в том виде, в каком они были в условиях Египта, Месопотамии, Средней Азии, Индии и др., сведе дальнейшее развитие могли получить только в рамках рабовладельческого способа производства. Следовательно, и здесь главную роль играла не община, а производительные силы общества. Неверно также сводить все решение проблемы к утверждению, что русская община в условиях более высокого уровня развития производительных сил не дала развиваться рабству⁵⁴. Известно, например, что с появлением и распространением железных орудий производства та же древневосточная община не воспрепятствовала, однако, дальнейшему развитию рабовладения.

⁵³ БСЭ. Т. 35. Изд. 2-е, стр. 421.

⁵⁴ «Очерки истории СССР». Ч. 1. IX—XIII вв., стр. 61.

На процесс разложения первобытно-общинного строя у восточных славян оказала также влияние та историческая среда, в которой происходило их общественное развитие. Международная обстановка, соприкосновение и взаимодействие с соседними странами, несомненно, способствовали определенному развитию социальных отношений в Восточной Европе. При этом следует выделить, по крайней мере, два момента.

Первое. Восточные славяне сталкивались, конечно, в какой-то мере с Византией, когда в ней рабовладельческий строй еще полностью не был изжит, а феодальный еще не победил. Археологические находки позволяют предполагать участие некоторой части восточных славян в завоевании Балканского полуострова⁵⁵. Но это не относилось к подавляющей массе восточного славянства. И к тому же умиривший рабовладельческий строй не мог уже активно влиять на социально-экономическое развитие восточных славян. В VII—IX вв., когда восточные славяне были на последней ступени разложения первобытно-общинного строя, рабство окончательно изжило себя и в европейских странах укреплялся феодальный строй. Хотя международное влияние развивавшегося феодального строя — признак второстепенный в сравнении с внутренним развитием общества, трудно представить себе, чтобы развитие восточных славян в такой исторической обстановке пошло вспять.

Второе. Проблема воспроизводства рабочей силы в эпоху рабства имела свою особенность, ее нельзя было решить только внутренними ресурсами. Рабовладение нуждалось в постоянном пополнении численности рабов, главным образом за счет войн. Рабовладельческие государства древнего мира находились среди народов, которые были на стадии первобытно-общинного строя и представляли удобное поле для колонизации и захвата добычи и пленных, превращаемых затем в рабов. Известно, что рабовладельцы, особенно в римскую эпоху, вели почти непрерывные завоевательные войны. В VII—IX вв., когда у восточных славян начинало складываться государство, они не имели возможности вести широкие завоевательные войны. Соседями их были: на востоке — хазарский каганат, на юге — кочевники Причерноморья, а на западе — родственные им племена западных славян.

Густонаселенные районы Византии и Закавказья были далеки от основных центров восточного славянства, и походы туда сопряжены были с огромными трудностями. Подем колонизации восточных славян стали малонаселенные северо-восточные окраины древней Руси и отчасти южная степь, откуда молодое восточнославянское государство постоянно подвергалось нападениям со стороны многочисленных и сильных кочевников. Это обстоятельство также не благоприятствовало развитию рабства, поскольку скопление внутри страны больших масс рабов при наличии такого соседства стало бы постоянной угрозой для независимого существования только что сложившегося государства восточных славян.

Эти важные условия исторической среды, хотя они и не играли решающей роли, которая принадлежала производительным силам, несомненно, должны учитываться при исследовании условий перехода восточных славян непосредственно к феодализму. Таким образом, исследование различных сторон социально-экономического развития восточнославянского общества показывает, что в период разложения первобытно-общинного строя у восточных славян не было ни внутренних, ни внешних условий для того, чтобы развить рабовладельческий способ производства.

⁵⁵ А. В. Арциховский. Основы археологии. М. 1955, стр. 192.